

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 343.14

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.17>

ПОЛУЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ОТ ЗАСЕКРЕЧЕННЫХ ЛИЦ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Елена Александровна Артамонова

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор юридических наук, доцент

artamonova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6054-4681>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются особенности получения показаний засекреченных свидетелей с использованием видео-конференц-связи в досудебном и судебном производстве по уголовному делу. **Материалы и методы.** Теоретическую основу составили опубликованные работы по вопросам исследования. Использование формально-юридического метода позволило выявить особенности получения таких показаний. **Анализ.** Обращается внимание на противоречивость законодательных предписаний, регламентирующих порядок допроса засекреченного свидетеля на предварительном расследовании. Отмечается, что четкое выполнение требований уголовно-процессуального закона об обязательной видеозаписи ВКС-допроса и предоставлении всех материалов уголовного дела обвиняемому и его защитнику на этапе окончания предварительного следствия (дознания) сводят на нет усилия, затраченные на принятие и реализацию соответствующих мер безопасности. Обосновывается невозможность и недопустимость получения показаний от засекреченного лица при помощи видео-конференц-связи в ходе очной ставки, исходя из сущностных особенностей этого следственного действия. Анализируется, в том числе с позиций соотношения с понятием «персональные данные», содержание понятия «данные о личности» применительно к процессуальной мере безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ. С позиций выполнения требований принципа состязательности, обеспе-

чения права на защиту и соблюдения баланса интересов сторон критически рассматривается сложившаяся судебная практика получения показаний свидетелей в условиях, исключающих их визуальное наблюдение участниками судебного разбирательства. **Результаты.** По итогам проведенного исследования излагается собственное видение решения проблемы получения показаний в зале суда от свидетеля, в отношении которого на предварительном расследовании были применены меры безопасности. Сформулированы и другие предложения по совершенствованию действующего законодательства и правоприменения по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, следственные действия, доказательства, видеодопрос, очная ставка, видеоопознание, предъявление для опознания, меры безопасности, данные о личности, засекреченные свидетели

Для цитирования: Артамонова Е. А. Получение показаний посредством видео-конференц-связи от засекреченных лиц при производстве по уголовному делу. в четвертый // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 677-683. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 09.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 15.07.2023.

Статья принята к публикации: 29.08.2023.

Research article

OBTAINING TESTIMONY VIA VIDEO CONFERENCE CALLS FROM CLASSIFIED PERSONS DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena A. Artamonova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Associate Professor

artamonova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6054-4681>

Abstract. Introduction. This article discusses the features of obtaining the testimony of classified witnesses using video conferencing in pre-trial and judicial proceedings in a criminal case. **Materials and methods.** Published works on research issues served the theoretical basis. The use of the formal legal method made it possible to identify the features of obtaining such testimony. **Analysis.** Attention is drawn to the inconsistency of legislative prescriptions regulating the procedure for questioning a classified witness at a preliminary investigation. It is noted that strict compliance with the requirements of the Criminal Procedure Law on mandatory video recording of the videoconferencing and the provision of all materials of the criminal case to the accused and his defender at the end of the preliminary investigation (inquiry) negate the efforts spent on the adoption and implementation of appropriate security measures. The author substantiates the impossibility and inadmissibility of obtaining testimony from a classified person using video

conferencing during a confrontation, based on the essential features of this investigative action. The content of the concept of "personal data" is analyzed, including from the standpoint of correlation with the concept of "personal data" in relation to the procedural security measure provided for in Part 9 of Article 166 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. From the standpoint of fulfilling the requirements of the adversarial principle, ensuring the right to defense and maintaining the balance of interests of the parties, the current judicial practice of obtaining witness testimony in conditions that exclude their visual observation by participants in the trial is critically considered. **Results.** The author presents his own vision of solving the problem of obtaining testimony in the courtroom from a witness against whom security measures were applied during the preliminary investigation. Other proposals have also been formulated to improve the current legislation and law enforcement on the issues under consideration.

Keywords: video conference call, investigative actions, evidence, video interrogation, confrontation, video identification, presentation for identification, security measures, identity data, classified witnesses

For citation: Artamonova E. A. Obtaining testimony via video conference calls from classified persons during criminal proceedings. *Humanities and law research*. 2023;10(4): 677-683. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.17>

Введение. Самым распространённым источником доказательств вплоть до настоящего времени остаются показания свидетелей. Законным способом их получения выступает допрос. Сегодня, в зависимости от места нахождения допрашиваемого, предусмотрены две формы его производства: обычная, когда допрашиваемый и допрашивающий находятся лично и непосредственно в месте допроса («офлайн»), и относительно новая – дистанционная («онлайн»), когда показания правоприменитель получает посредством видео-конференц-связи (далее – ВКС). Обе применимы как в ходе предварительного расследования, так и в суде, а общие правила их производства достаточно подробно регламентированы (ст. 188, 189.1, 278, 278.1, 241.1 УПК РФ). Вместе с тем, не совсем ясна ситуация с допустимостью показаний, полученных посредством ВКС, если к допрашиваемому приняты процессуальные меры безопасности, под которыми понимают конкретные приёмы, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, реализуемые правоприменителем, «направленные на достижение, сохранение и поддержание состояния защищённости объектов безопасности в сфере уголовного судопроизводства» [17, с. 76].

Комплекс процессуальных мер безопасности, которые могут быть применены при производстве по уголовному делу, предусмотрен в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В частности, если свидетелю, его близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением имущества и т.п., правоприменитель может его «засекретить», то есть сохранить в тайне для остальных, прежде всего вовлекаемых участников уголовного судопроизводства, подлинные данные о личности свидетеля. Реализуется это на предварительном расследовании путём неупоминания в протоколе допроса таких сведений (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), а в суде – посредством обеспечения отсутствия визуального наблюдения допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Порядок применения указанных мер безопасности был предусмотрен ещё до внесения в закон положений, разрешающих проведение допроса с использованием цифрового способа связи, его законодательная регламентация до настоящего времени не претерпела в связи с этим никаких изменений, что на практике влечёт проблемы совмещения этих двух институтов, и, как следствие, вызывает необходимость осмысления допустимости получения показаний в таком

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 09.06.2023.

The article was approved after reviewing: 16.07.2023.

The article was accepted for publication: 29.08.2023.

порядке от засекреченных лиц, особенно в досудебном производстве.

Материалы и методы. Основой проведённого исследования стали научная и специальная литература, российское законодательство и правоприменительная практика, относящиеся к рассматриваемым вопросам. Прежде всего, был использован диалектический метод, а также применялись иные общенаучные и специально-юридические методы научного познания. Выводы и предложения основаны в первую очередь на анализе действующего уголовно-процессуального закона и его правоприменении.

Анализ. Допустимость полученных показаний обеспечивается выполнением многих критериев, в том числе соблюдением предусмотренного законом порядка следственного действия (допроса). В настоящее время применительно к предварительному расследованию производство онлайн-допроса регламентировано ст. 189.1 УПК РФ, каких-либо особых указаний по порядку получения показаний в таком формате от засекреченных лиц она не содержит. Главное, чтобы у следователя (дознателя) не было опасений, что данные о защищаемом лице могут быть разглашены (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ). Вместе с тем, возникают вопросы, которые ставят под сомнение возможность производства допроса засекреченного свидетеля по ВКС, и, как следствие, невозможность получения таким способом допустимого доказательства.

Как правильно проводить такой допрос? Нужно ли следователю (дознателю) при производстве онлайн-допроса засекреченного лица применять технические приёмы, обеспечивающие неузнаваемость допрашиваемого? Использовать программное обеспечение, изменяющее голос допрашиваемого, исключаящее его видимость? Охватывается ли понятием «данные о личности», на сохранение в тайне которых и направлена процедура засекречивания свидетеля (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), внешность лица и индивидуальные признаки его голоса?

Понятие «данные о личности» в действующем уголовно-процессуальном законе не раскрывается. Более распространённым и нормативно определённым является другое понятие – «персональные данные». Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) понятием «персональные данные» охватывается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённом или определяемому физическому лицу (https://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/). В Указе Президента РФ «Об

утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) под персональными данными понимается любая информация, которая так или иначе относится к определённому лицу, в том числе информация о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющая идентифицировать его личность (п. 1 Перечня) (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13532/0179b6b5a612a4e6b17de579e3589aa0526bfe79/). Принимая во внимание их предписания, представляется, что для нужд уголовного судопроизводства применительно к рассматриваемому вопросу понятие «данные о личности» следует понимать шире, чем его буквальное истолкование, и включать в него не только фамилию, имя и отчество, полную дату (число, месяц, год) и место рождения, личную подпись, то есть то, что принято ещё называть паспортными данными, но и индивидуальные особенности внешности и индивидуальность голоса (тембр, высота, сила).

Внешность определяется анатомическими (расовая принадлежность, пол, возраст, рост, комплекция, черты лица, волосы и т.д.) и динамическими, функциональными (осанка, походка, жесты, мимика, артикуляция и пр.) признаками, в том числе особыми приметами (врождённые пороки развития, приобретённые увечья). В отдельных случаях конкретный человек может даже ассоциироваться через пристрастия в одежде или использование индивидуально определённых предметов личного пользования [2, с. 113]. Отсюда, сокрытию подлежат не только базовые сведения (паспортные данные) о конкретном человеке, но и его физиологические и биологические параметры, что, в частности, подтверждается предписаниями, устанавливающими меры безопасности в отношении опознающего для обеспечения невозможности его визуального наблюдения со стороны опознаваемого (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) и свидетеля при его допросе в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Независимо от того, как проводится допрос: офлайн или онлайн, главными действующими лицами являются следователь (дознатель) и допрашиваемый, все иные лица участвуют в этом следственном действии в интересах последнего, что, на первый взгляд, не требует каких-либо дополнительных мер, кроме присвоения псевдонима. Но в случае получения показаний по ВКС, ход допроса в силу прямого указания в законе подлежит видеозаписи (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ), которая приобщается к протоколу допроса в качестве приложения. При выполнении требований ч. 1 ст. 217 УПК РФ сторона защиты вправе знакомиться в том числе и с такими видеозаписями. Прямое указание закона и сущностное понимание принципа обеспечения права на защиту, состав-

ным элементом которого является право обвиняемого и его защитника на ознакомление со всеми материалами дела, делает в таких случаях бесполезными принятые меры по засекречиванию свидетеля. Налицо «фикция конфиденциальности» [9, с. 102].

Вопрос видеозаписи допроса засекреченного лица, проводимого по ВКС, не схоластический. Он имеет значение для установления допустимости полученных показаний. Здесь уместна известная формула, перефразированная применительно к рассматриваемому случаю: «производить нельзя не производить».

Если исходить из буквальных предписаний закона, проводить видеозапись ВКС-допроса засекреченного лица нужно обязательно, иначе нарушение требований действующего уголовно-процессуального закона влечёт признание полученных показаний недопустимым доказательством (ст. 75 УПК РФ). Значит, «производить, нельзя не производить». А для того, чтобы избежать рассекречивания личности свидетели на этапе выполнения требований ст. 217 УПК РФ, предлагается использовать технологии изменения внешности и/или голоса, гарантирующие защищаемому лицу неузнаваемость [9, с. 102]. По такому пути пошёл, в частности, законодатель Республики Беларусь, закрепивший возможность допроса лица, к которому применены меры безопасности, по ВКС с соответствующими изменениями внешности и (или) голоса, обеспечивающими его неузнаваемость (ч. 11 ст. 224.1 УПК РБ от 16.07.1999 № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 09.03.2023) (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&pos=2362;-55#pos=2362;-55)).

Но если взять за основу именно такой порядок ВКС-допроса защищаемого лица, что же тогда получается? Следовательно, проводя следственное действие, общается «с чёрным экраном», говорящим металлическим голосом? А как наладить психологический контакт? Как применять тактические и психологические приёмы правомерного воздействия с целью получения достоверных показаний? Как оценивать полученные показания, не видя собеседника, не имея возможности считывать вербальные и невербальные особенности его поведения (интонацию, мимику, жестикуляцию, физиологические реакции, например, потение, побледнение и пр. [3, с. 165 – 166])? Ведь о заведомой ложности показаний допрашиваемого «косвенно могут свидетельствовать признаки поведения – не только информационные, но и неречевые, их рассогласованность» [13, с. 177]. Это и так объективно затруднено при использовании ВКС (искажается восприятие и звук), а при работе с «котом в мешке» вообще невозможно. Следовательно, исходя из логики и объективной необходимости в отношении видеозаписи ВКС-допроса засекреченного лица должен действовать другой постулат: «производить нельзя, не

производить». Вариант, когда ВКС-допрос засекреченного лица осуществляется по общим правилам, за исключением его видеозаписи представляется более предпочтительным. Для его претворения в жизнь в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ следует сделать оговорку, закрепив, что на предварительном расследовании применение видеозаписи в ходе следственных действий, проводимых с использованием ВКС, обязательно, за исключением получения показаний от лиц, в отношении которых приняты меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Буквально ст. 189.1 УПК РФ содержит предписание о возможности производства на следствии (дознании) по ВКС помимо допроса и двух других следственных действий: очной ставки и предъявления для опознания. Условие то же: надлежащее обеспечение неразглашения данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ). Вместе с тем, относительно очной ставки дистанционное участие засекреченного лица в этом следственном действии вызывает много вопросов, в том числе о допустимости полученных от него показаний.

Для того, чтобы сохранить в тайне личность одного из оппонентов очной ставки, находящегося по ту сторону экрана, его необходимо «спрятать», то есть создать такие условия, которые позволят изменить голос и исключить его визуальное наблюдение оппонентами и допрашивающим как в момент производства этого следственного действия, так и на его видеозаписи, что возможно с помощью соответствующего программного обеспечения. Но как быть с выполнением предписания ч. 2 ст. 192 УПК РФ, в силу которого правоприменитель обязан выяснить у оппонентов знают ли они друг друга, если один участник очной ставки («засекреченный») своего визави видит и слышит, пусть через экран, но без каких-либо специально создаваемых помех, а другой – своего собеседника не видит вообще и слышит технически изменённый голос? Более того, все вопросы участника очной ставки, в отношении которого не приняты меры безопасности, могущие хоть как-то навредить на личность засекреченного отсекаются правоприменителем. Изначально для участников такой очной ставки процедурно созданы неравные условия. В таких условиях постановка обозначенного вопроса логически нецелесообразна, получить чёткий ответ на него от участника очной ставки, в отношении которого меры безопасности не применялись, объективно невозможно. А это невыполнение прямых требований закона. Как оно соотносится с предписаниями ст. 75 УПК РФ? Формально это нарушение требований уголовно-процессуального закона, влекущее недопустимость полученных показаний.

При производстве очной ставки с дистанционным участием засекреченного лица невозможно в полной мере реализовать и тактико-психологические приёмы, присущие этому след-

ственному действию. Тактика очной ставки основана на непосредственном контакте допрашиваемых лиц. «Очная» значит происходящая при личной встрече, при личном общении; связанная с личным присутствием [5]. Дистанционный формат вообще не совместим с сущностью этого следственного действия. При участии одного из допрашиваемых в очной ставке по ВКС исключается «эффект присутствия» оппонента, не происходит непосредственного воздействия одного лица на другое. Социально-психологический «эффект присутствия» заключается в том, что допрашиваемый даёт показания не только в присутствии следователя (дознателя), но и в присутствии третьего лица – своего оппонента, с которым часто знаком. «В этих условиях поведение человека становится ситуативно-реактивным, ориентированным на социальное ожидание, при этом возможны прорывы в защитной доминанте допрашиваемого» [10, с. 183; 11]. Участие по ВКС в очной ставке засекреченного лица сводит на нет взаимное социально-психологическое воздействие допрашиваемых друг на друга (глядя глаза в глаза). И самое главное, не позволяет правоприменителю осуществлять постоянное неотрывное наблюдение за обоими участниками очной ставки (их мимикой, жестами, условными знаками, экспрессивными движениями), что влечёт невозможность считывать вербальные и невербальные особенности поведения допрашиваемых, особенно засекреченного, при их общении друг с другом и с допрашивающим [12, с. 169].

Всё это указывает на недопустимость в принципе проведения очной ставки с засекреченным лицом, а тем более с использованием ВКС, и, как следствие, невозможность получения допустимых доказательств таким способом.

Ещё одним следственным действием, производство которого в ходе предварительного расследования возможно с использованием ВКС, является предъявление для опознания. Применительно к предъявлению для опознания живого лица предусмотрена и особая мера безопасности, обеспечивающая отсутствие визуального наблюдения опознаваемого опознающего, участвующего в производстве по уголовному делу под псевдонимом (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Опознаваемый, не видя опознающего, не может его запомнить или узнать, что и позволяет обезопасить последнего. В то же время, при использовании ВКС возможно искажение восприятия объекта опознания, что может привести к ошибкам со стороны опознающего, и, как следствие, к неблагоприятным последствиям для опознаваемого.

Опознающий в ходе предъявления для опознания даёт объяснения по каким признакам он опознал предмет или лицо (ч. 7 ст. 193 УПК РФ), что роднит полученные сведения с показаниями. В процессуальной литературе отмечается, что именно смешанная гносеологическая природа предъявления для опознания, его весомая вер-

бальная составляющая (словесное описание признаков объекта) стала предпосылкой для отнесения его к следственным действиям, производство которых разрешено с использованием ВКС [16, с. 137]. Вместе с тем, на допустимость полученных таким способом доказательств главным образом влияет невербальный компонент (особенности восприятия объекта опознания через технические средства связи, невозможность повторного опознания (ч. 3 ст. 193 УПК РФ) в случае несанкционированного прерывания связи и пр.).

В судебном заседании получение показаний от засекреченных свидетелей по ВКС (ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ст. 278.1 и ст. 241.1 УПК РФ) не является редкостью [7]. Они используются в доказывании наравне с показаниями, данными участниками процесса в обычном порядке в зале суда. Так, апелляционная инстанция не нашла оснований для признания недопустимыми показаний ряда засекреченных свидетелей, допрошенных по ВКС, указав, что сторонам была предоставлена возможность задавать им вопросы; права, обязанности, ответственность разъяснены; их личность установлена, в чём сомнений у суда не возникло (Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 02.07.2020 по делу № 222-АПУ20-2) (<https://sudact.ru/vsrf/doc/h4pk4T41d55/>). Вместе с тем, такой порядок получения доказательств критикуется и со стороны адвокатского сообщества [1; 8], и в процессуальной литературе [14; 15]. Прежде всего, речь идёт о затруднениях в реализации принципа состязательности и нарушении права на защиту. Подсудимый не имеет реальной возможности оспорить в полном объёме и опровергнуть показания, даваемые против него засекреченным лицом. Ему не известно, кто даёт показания, он может лишь догадываться об этом. Проверить такие показания на предмет возможного оговора или фальсификации со стороны обвинения для защиты объективно невозможно. Все вопросы, направленные на выяснение в каких отношениях «тайный свидетель» находится с подсудимым, при каких обстоятельствах ему стали известны излагаемые сведения, либо отклоняются правоприменителем, либо сам засекреченный отказывается на них отвечать, мотивируя это тем, что ответ позволит установить его личность. В таких обстоятельствах остро стоит вопрос о балансе соблюдения прав сторон, их правообеспечительном равенстве. С одной стороны, реализация права на защиту, с другой, – необходимость сохранить в тайне личность засекреченного лица в целях обеспечения его безопасности. В условиях нынешнего правового регулирования наблюдается явное смещение в сторону последнего (в частности, сторона защиты лишена возможности оценить правомерность принятия решения о присвоении псевдонима, не вправе его оспорить, что не соответствует гарантиям защиты от произвольного и необоснованного обвинения).

В результате снижается качество правосудия, усложняется оценка доказательств.

Последнее обусловлено двумя моментами: использованием ВКС и засекреченностью носителя информации. Использование ВКС в любом случае влечёт «снижение качества правосудия, поскольку влияет на фундаментальные принципы», прежде всего, «непосредственности и оценки доказательств» [6]. В основу принимаемого решения не могут быть положены преимущественно или исключительно показания засекреченного лица. М. С. Спиридонов и вовсе предлагает рассматривать показания засекреченного лица как особый вид доказательств, объясняя это тем, что такие показания требуют специальных критериев для оценки и более тщательной проверки [14].

При совмещении этих двух критериев особенно остро встаёт проблема исследования и оценки полученных по ВКС показаний засекреченных лиц при дефиците других изобличающих подсудимого доказательств. С целью достижения баланса интересов сторон, и, прежде всего, исключения произвола со стороны органов обвинения представляется правильной следующая формула. При реальной, объективно подтверждённой опасности для свидетеля, в отношении него в досудебном производстве и после судебного разбирательства могут быть применены все возможные и объективно целесообразные меры безопасности: и процессуальные (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), и предусмотренные законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (<https://base.garant.ru/12136633/>). Но в суде первой инстанции такие свидетели должны давать показания лично, непосредственно и открыто. Только так сторона защиты получит реальную возможность обнаружить и продемонстрировать противоречия в доказательственной базе обвинения. Реальное и открытое выступление такого свидетеля представляется необходимым и обязательным только в суде первой инстанции при рассмотрении дела по существу. Регламентируя порядок рассмотрения уголовного дела в апелляционной инстанции, закон не содержит требования об обязательном повторном исследовании всех имеющихся в деле доказательств. Наоборот, закрепляет правило, согласно которому свидетели, давшие показания в суде первой инстанции, допрашиваются в апелляции только если суд признает это необходимым (ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ, п. 12 (1) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/). При наличии обстоятельных показаний, полученных от лица, к которому были применены и применя-

ются меры безопасности, объективной необходимости в их повторном получении не усматривается, о чём с целью легализации (официального признания) предлагаемого подхода достаточно будет дополнить упомянутое выше постановление Пленума Верховного Суда РФ соответствующими разъяснениями.

Если же требование личного, непосредственного и открытого участия такого свидетеля в судебном разбирательстве невыполнимо, например, по причине невозможности обеспечить в последующем его безопасность (свидетель обоснованно, и этому есть подтверждение в материалах дела, опасается за свою жизнь (здоровье, имущество), жизнь (здоровье, имущество) своих родных и близких), – прокурору-гособвинителю, как субъекту, предъявляющему в суде доказательства обвинения, надлежит совсем отказаться от получения и исследования в судебном заседании показаний таких лиц, и доказывать виновность подсудимого совокупностью иных собранных по делу доказательств.

Результаты. Как в досудебном, так и в судебном производстве при получении показаний от засекреченного лица в результате ВКС-допроса

«должны быть предприняты меры по обеспечению соразмерности и оправданности связанных с использованием таких средств ограничения права на защиту и преследуемой цели» [4, с. 177]. Реализация процессуальных мер безопасности, применяемых к охраняемым лицам, в сочетании с применением цифровых способов связи для получения от них показаний, нуждается в более детальной регламентации, в том числе с позиций соблюдения баланса интересов сторон. В частности, действующие предписания, регламентирующие производство следственных действий по ВКС, требуется уточнить, во-первых, дополнив ст. 189.1 УПК РФ положением, исключающим видеозапись ВКС-допроса, если к допрашиваемому приняты меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166 УПК РФ, и предписанием о запрете производства очной ставки по ВКС (вообще, а не только с засекреченным лицом). Во-вторых, – дополнить ст. 278.1 УПК РФ требованием доставлять непосредственно в суд на допрос свидетелей, чьи подлинники данные сохранялись на предварительном расследовании в тайне, а при невозможности этого, требованием отказаться от использования их показаний в доказывании.

Литература

1. Быков А. Проблема «засекреченных свидетелей» // Адвокатская газета. 2023. 20 апреля. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema-zasekrechennykh-svideteley/> (дата обращения: 07.07.2023).
2. Гавриленко А. А., Горбачёва Е. В. Значение установления отдельных данных о личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 111–118.
3. Гонтарь С. А. Диагностические признаки скрываемой причастности человека к преступлению // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 165–166.
4. Давыдова Н. Н. Сущность принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном процессе // Принципы российского уголовного судопроизводства: монография / под ред. Н.С. Мановой. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 165–179.
5. Значение слова «Очный» в толковом словаре Ефремовой. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Очный-в-словаре-Ефремовой> (дата обращения: 12.05.2023).
6. «Никакой драмы в нашем прощании с ЕСПЧ нет». Интервью с профессором Л. В. Головкин / записал И. Рамазанов // Уголовный процесс. 2023. № 2. С. 32–39. URL: <https://e.uopr.ru/1008346> (дата обращения: 16.06.2023).
7. Осодоева Н. В. Допрос свидетеля «под псевдонимом» посредством видео-конференц-связи // Уголовный процесс. 2022. № 8. С. 80–85. URL: <https://e.uopr.ru/979934> (дата обращения: 16.06.2023).
8. Павлова З. Адвокаты хотели привлечь к ответственности за слова о том, что засекреченному свидетелю подсказывают ответы // Адвокатская газета. 2023. 10 мая. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokata-khoteli-privlech-k-otvetstvennosti-za-slova-otom-chto-zasekrechennomu-svidetelyu-podskazyv/> (дата обращения: 09.07.2023).
9. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 1. С. 98–105.
10. Пономарева Е. А. Очная ставка психология // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 183.
11. Психология очной ставки // Чернышова Е. В., Злоказов К. В. Полицейская психология: учебное пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2016. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/police/016.htm> (дата обращения: 13.05.2023).
12. Романов В. В. Допрос на очной ставке // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 169.
13. Романов В.В. Лжесвидетельство при допросе // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 177.
14. Спиридонов М. С. Тонкости допроса свидетеля под псевдонимом // Уголовный процесс. 2023. № 4. С. 70–79. URL: <https://e.uopr.ru/1018344> (дата обращения: 16.06.2023).
15. Сурменева С. В., Спиридонов М. С. Дистанционное участие в судебном разбирательстве уголовного дела. Новые возможности // Уголовный процесс. 2023. № 6. С. 64–71. URL: <https://e.uopr.ru/1028225> (дата обращения: 15.06.2023).
16. Фарафонова О. А. О возможности производства предъявления для опознания посредством видео-конференц-связи // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 134–138.
17. Францифоров Ю. В., Исаев А. Э. Безопасность в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 152 с.

References

1. Bykov A. The problem of “secret witnesses”. *Advokatskaya gazeta*. 2023. April 20. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema-zasekrechennykh-svideteley/> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.).
2. Gavrilenko A. A., Gorbacheva E. V. The importance of establishing individual data about the identity of the accused in criminal proceedings. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 2011;4 (55):111-118. (In Russ.).
3. Gontar' S. A. Diagnostic signs of hidden human involvement in a crime. *Encyclopedia of Legal Psychology*. Ed. by A.M. Stolyarenko. Moscow: YUNITA-DANA; 2003. p. 165-166. (In Russ.).

4. Davydova N. N. The essence of the principle of protecting the rights and freedoms of man and citizen in Russian criminal proceedings. Principles of Russian criminal proceedings: monograph. Ed. by N. S. Manovoi. Moscow: Yurlitinform; 2019. p. 165-179. (In Russ.).
5. The meaning of the word "Full-time" in Efremova's explanatory dictionary. URL: <https://glosum.ru/Znachenie-slova-Ochnyi-v-slovare-Efremovoi> (accessed: 12.05.2023). (In Russ.).
6. "There is no drama in our farewell to the European Court of Human Rights" Interview with Professor L.V. Golovko. Recorded by I. Ramazanov. *Ugolovnyi protsess*. 2023;2:32-39. URL: <https://e.ugpr.ru/1008346> (accessed: 16.07.2023). (In Russ.).
7. Osodoeva N. V. Interrogation of a witness "under a pseudonym" via video conference call. *Ugolovnyi protsess*. 2022;8:80-85. URL: <https://e.ugpr.ru/979934> (accessed: 16.05.2023). (In Russ.).
8. Pavlova Z. They wanted to prosecute the lawyer for saying that the secret witness was being told the answers. *Advokatskaya gazeta*. 2023. May 10. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokata-khoteli-privlech-k-otvetstvennosti-za-slova-o-tom-chto-zasekrechennomu-svidetelyu-podskazyv/> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.).
9. Plakhota K. S. The use of video conferencing by the investigator (inquirer) during investigative actions. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2022;1:98-105.
10. Ponomareva E. A. Face-to-face Psychology in Entsiklopediya yuridicheskoi psikhologii. Ed by A.M. Stolyarenko. Moscow: YuNITA-DANA, Zakon i parvo; 2003. P. 183. (In Russ.).
11. Face-to-face Psychology in Chernyshova E. V., Zlokazov K. V. Political psychology: textbook. Ekaterinburg: Ural State Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia publ., 2016. 184 p. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/police/016.htm> (accessed: 13.05.2023). (In Russ.).
12. Romanov V. V. Interrogation at confrontation in Encyclopedia of Legal Psychology. Ed by A.M. Stolyarenko. M.: YuNITA-DANA, Zakon i pravo; 2003. P. 169. (In Russ.).
13. Romanov V. V. Perjury during interrogation in Encyclopedia of Legal Psychology. Ed by A.M. Stolyarenko. M.: YuNITA-DANA, Zakon i parvo; 2003. P. 177. (In Russ.).
14. Spiridonov M. S. Subtleties of interrogating a witness under a pseudonym. *Ugolovnyi protsess*. 2023;4:70-79. URL: <https://e.ugpr.ru/1018344> (accessed: 16.06.2023). (In Russ.).
15. Surmeneva S. V., Spiridonov M. S. Remote participation in criminal proceedings. New opportunities. *Ugolovnyi protsess*. 2023; 6:64-71. URL: <https://e.ugpr.ru/1028225> (accessed: 15.06.2023). (In Russ.).
16. Farafonova O. A. On the possibility of producing a presentation for identification through video conferencing. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess*. 2023;1:134-138. (In Russ.).
17. Frantsiforov Yu. V., Isaev A. E. Security in criminal proceedings: monograph. Moscow: Yurlitinform; 2023. 152 p. (In Russ.).